

Дёмин Илья Вячеславович

ОБОСНОВАНИЕ АВТОНОМИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА

В статье анализируется трактовка исторического познания в концепции Майкла Оукшотта. Подробно рассматривается вопрос о соотношении исторического и практического способов понимания прошлого. Новизна трактовки историописания в концепции Оукшотта заключается в том, что история рассматривается в качестве особого вида опыта, не сводимого ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию. Выявляются некоторые противоречия в предложенной Оукшоттом трактовке историописания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/11/13.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 11 (113). С. 50-52. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 930.1

Философские науки

В статье анализируется трактовка исторического познания в концепции Майкла Оукшотта. Подробно рассматривается вопрос о соотношении исторического и практического способов понимания прошлого. Новизна трактовки историописания в концепции Оукшотта заключается в том, что история рассматривается в качестве особого вида опыта, не сводимого ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию. Выявляются некоторые противоречия в предложенной Оукшоттом трактовке историописания.

Ключевые слова и фразы: история; историописание; историческое прошлое; презентизм; исторический опыт; методология истории; Майкл Оукшотт.

Дёмин Илья Вячеславович, к. филос. н., доцент

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
ilyadem83@yandex.ru

ОБОСНОВАНИЕ АВТОНОМИИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления» (Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года).

Майкл Оукшотт известен в России преимущественно как политический философ и теоретик консерватизма [5]. Не меньший интерес, однако, представляет его философско-историческая концепция, которую можно поставить в один ряд с наиболее значительными теориями историописания XX в.

Впервые к проблеме исторического опыта и историописания Оукшотт обращается в работе «Опыт и его формы» [9]. История, наряду с наукой (естествознанием), понимается здесь в качестве одной из форм опыта, причём опыт у Оукшотта не противопоставляется мышлению, опыт включает в себя мысль. История представляет собой такую форму опыта и форму мысли, в которой всё сущее рассматривается «с точки зрения прошлого». Оукшотт проводит принципиальное различие между «историческим» и «прагматическим» (неисторическим) прошлым.

В центре внимания Оукшотта – вопрос о характере деятельности историка как носителя специфически исторического отношения к прошлому. В работе «Деятельность историка» история рассматривается в качестве специфического вида познания, который «возникает из общего и неспециализированного интереса к прошлому» [7, с. 131]. Такая трактовка истории предполагает, что не всякие утверждения о прошлом являются историческими утверждениями, и не всякий, кто высказывает нечто о прошлом, является историком. Английский философ стремится показать, что историописание не сводимо ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию, ни к научному познанию, иными словами, он обосновывает *автономный характер историописания*.

Оукшотт стремится извлечь все выводы из тезиса о том, что прошлое представляет собой *отсутствующую* реальность. Прошлое всегда открывается нам в контексте *настоящего*, и это «открытие» прошлого осуществляется не иначе, как посредством интерпретации тех или иных артефактов (исторических источников), существующих, опять-таки, в настоящем: «Прошлое, каким бы образом оно ни появилось, есть определенная разновидность прочтения настоящего» [Там же, с. 138]. «“Прошлое”, – пишет Оукшотт, – есть некоторая конструкция, которую мы создаем из событий, происходящих у нас на глазах» [Там же, с. 135]. Такая трактовка исторической реальности может показаться радикально презентистской и конструктивистской [4, с. 37], однако это – обманчивое впечатление. Оукшотт, в отличие от представителей нарративной философии истории (Х. Уайт [10], П. Вен [1]), стремится обосновать сущностную *инаковость* прошлого по сравнению с настоящим и утвердить автономию историописания, его независимость от лингвистических и идеологических структур, определяющих социальное бытие субъекта.

Прошлое как *историческое* прошлое открывается лишь в контексте *определённого понимания настоящего*. Настоящее здесь интерпретируется в качестве *знака прошлого*. События и явления настоящего с *самого начала* понимаются историком как *свидетельства прошедших событий*. Такая установка сознания и такой способ интерпретации наличных артефактов делают возможным историописание как таковое.

Понимание настоящего в качестве знака и свидетельства прошлого является необходимым, но не достаточным условием специфической деятельности историка.

Оукшотт рассматривает три различных способа интерпретации настоящего в качестве знака (свидетельства) прошлого. Они соответствуют трём базовым «реакциям» субъекта на события окружающего мира. Речь идёт о практическом, научном и созерцательно-эстетическом способах соотнесённости с прошлым.

«Практический» способ понимания прошлого является, согласно Оукшотту, изначальным и универсальным. Этот способ «столь же стар, как и сам род человеческий» [7, с. 139]. Это – «простейший и наименее изощренный способ понимания» [Там же]. Все прошлые события оцениваются в зависимости от того, какое значение они могут иметь для современности: «Практический человек проводит различия между событиями прошлого как садовник, отличающий полезные растения от сорняков» [Там же, с. 141].

В рамках практического способа понимания «мы интерпретируем прошедшие события в отношении к себе и к нашей текущей деятельности» [Там же, с. 136]. Прошлое здесь прочитывается, интерпретируется, понимается *в перспективе настоящего*, в связи с теми или иными интересами, ценностями и целями субъекта. Практический способ интерпретации событий прошлого можно с полным правом назвать *презентистским*: прошлое здесь не просто описывается на языке настоящего, оно вообще исчезает *как прошлое*, утрачивает свою сущностную инаковость по отношению к настоящему [8]. Такое отношение к прошлому характерно для всякого субъекта практической деятельности. Наиболее ярко этот способ соотнесённости с прошлым проявляется в политической деятельности.

Практическому способу понимания и интерпретации прошлого противостоят научный и созерцательно-эстетический способы. «В научной реакции, – отмечает Оукшотт, – появляется прошлое, не связанное с нами, прошлое само по себе» [7, с. 137]. События прошлого при таком подходе истолковываются как примеры действия общих законов.

Описав научную установку в отношении к прошлому, Оукшотт, однако, сразу же замечает, что данная установка является чисто *гипотетической*, на практике она не может быть реализована. Специфически «научного» отношения к прошлому, строго говоря, быть не может, «поскольку мир, появляющийся в научной теории, – это мир без времени, мир не реальных событий, а гипотетических ситуаций» [Там же]. Тем самым Оукшотт занимает весьма недвусмысленную позицию по вопросу о том, является ли история наукой, может ли историописание быть научным. Если под наукой понимается подведение единичных случаев под общие законы, то история наукой не является. Но, решительно отвергая сциентистские притязания историописания, Оукшотт, в то же время, последовательно отстаивает *автономный* характер деятельности историков, её несводимость ни к политике, ни к морали, ни к искусству.

Созерцательно-эстетический способ осмысления прошлого характерен, например, для исторической романистики. Прошлое здесь предстаёт не в качестве совокупности фактов, но как «кладовая чистых образов» [Там же, с. 138]. Несмотря на противоположную направленность практической и созерцательной установок, у них имеется общая черта: игнорирование различий между прошлым и настоящим. «Когда предметы <...> “созерцаются”, мы пренебрегаем их практической пригодностью. Точно так же, когда “созерцается” то, что при другом отношении было бы осознано как событие “прошлого”, его принадлежность прошлому игнорируется» [Там же, с. 137]. Для созерцательной (эстетической) установки, строго говоря, не существует различий между событиями настоящего и событиями прошлого. «То, что мы созерцаем, – события не прошлого, а настоящего, которые, как мы считаем <...>, произошли» [Там же]. Созерцательное отношение к прошлому, как и отношение практическое, Оукшотт рассматривает в качестве изначального и универсального.

Рассмотрев практический, эстетический и научный способы соотнесённости человека с прошлым, Оукшотт делает вывод о том, что деятельность историка не укладывается в рамки трёх перечисленных способов понимания и интерпретации прошлого.

Историк, в отличие от практически ориентированного субъекта (политика или моралиста), *не связывает факты прошлого с событиями и ситуациями настоящего*. Отношение историка к прошлому не является *практическим* отношением, им движет не практический, но сугубо *исторический* интерес. Такая трактовка историописания делает крайне затруднительным или даже вовсе невозможным историческое исследование событий недавнего прошлого.

Описание деятельности историка и исторического отношения к прошлому у Оукшотта носит по преимуществу *апофатический* характер, то есть речь идёт, главным образом, не о том, чем историописание *является*, но о том, чем оно *не является*. Основное внимание он уделяет размежеванию между историческим и практическим способами понимания прошлого. Это связано с тем обстоятельством, что именно практическое отношение к прошлому Оукшотт полагает в качестве первичного. О первичности практической установки можно говорить как минимум в двух смыслах: *концептуальном* и *лингвистическом*. О концептуальной первичности можно говорить потому, что задолго до того, как стать предметом историописания, прошлое уже является «кладовой» опыта и примеров, пригодных для практического использования в настоящем. Практическая соотнесённость с прошлым является первичной также и в лингвистическом отношении: «Прошлое предстает перед нами, в первую очередь, на языке практики, а на язык “истории” его еще нужно перевести» [Там же, с. 147].

Вывод, к которому приходит Оукшотт, заключается в том, что установка, которой руководствуется историк в своём отношении к прошлому, вовсе не является чем-то *естественным* для человека: «Историческое познание – не некий дар, внезапно обретенный человечеством, а достижение» [Там же, с. 146]. Историческое отношение к прошлому становится возможным благодаря преодолению «естественной склонности» рассматривать события прошлого, исходя из практических потребностей и интересов настоящего, и видеть в исторических деятелях наших «предшественников».

Предложенная Оукшоттом трактовка историописания сталкивается с определёнными трудностями. Отметим лишь две из них.

Оукшотт исходит из того, что события прошлого должны интересовать историка сами по себе, вне их соотнесённости с последующими событиями и современным контекстом. Однако выделение того или иного событийного ряда («история Пунических войн», «история Французской революции», «история костюма» и т.д.) предполагает, во-первых, завершённость событий и знание историком финала, а во-вторых, наличие у историка достаточных оснований для отделения одного событийного ряда от другого. В классической историософии таким основанием, позволявшим выделять, описывать и сопоставлять различные событийные ряды,

была теория всемирной истории, представленная глобальными схемами всемирно-исторического развития. В неклассической лингвистически ориентированной философии истории XX века таким основанием стала способность историка выбирать сюжет и выстраивать исторические события вокруг произвольно выбранного сюжета [2]. При этом отправной точкой для выбора сюжета выступает *контекст современности*, а определяющим методологическим принципом становится *презентизм* [3]. Оукшотт, с одной стороны, отвергает метафизические построения классической философии истории, с другой стороны, стремится избежать прагматизации историописания, присвоения прошлого настоящим. Историк в своей деятельности должен отделять существенное от несущественного, однако вопрос о том, на что может опереться историк в выстраивании событийных рядов, в концепции Оукшотта остаётся непрояснённым. Если «место события не определяется его отношением к последующим событиям» [7, с. 142], тогда на каком основании мы можем судить о значении исторического события в контексте той или иной «истории»?

Вторая трудность, с которой сталкивается рассматриваемая концепция, связана с метафорой «живого» и «мёртвого» прошлого. Оукшотт полагает, что прошлое может быть предметом специфически исторического интереса лишь в том случае, если это прошлое «мёртвое» [Там же, с. 151]. Всякая попытка историка «оживить» прошлое приводит к *прагматизации* (политизации, идеологизации, морализации) или *эстетизации* событий прошлого, в результате чего историческое отношение к прошлому подменяется практическим или эстетическим. «Живым» прошлое делается благодаря своей связи с настоящим, с актуальным бытием субъекта. Эта связь с настоящим может быть осмыслена в терминах традиции, исторической памяти или исторического опыта. Однако во всех случаях именно соотносённость прошлого с актуальным бытием социального субъекта является источником понятности и осмысленности исторических событий. Оукшотт усматривает задачу историка в том, чтобы показать радикальную инаковость прошлого, его несводимость к настоящему, но для этого прошлое всё же должно быть соотносено с настоящим, иначе непонятными и непрояснёнными остаются не только *основания* деятельности историка, но и *мотивы* нашего обращения к прошлому.

Подведём итог. Майкл Оукшотт разработал оригинальную трактовку историописания как формы опыта, не сводимой ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию. Историческое познание становится возможным благодаря освобождению человека от практического отношения к прошлому, которое и в хронологическом, и в экзистенциальном отношениях является первичным. Предложенная Оукшоттом трактовка деятельности историка сталкивается с целым рядом трудностей, преодоление которых позволило бы существенно обогатить современную неклассическую философию истории и теорию историописания.

Список литературы

1. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 391 с.
2. Дёмин И. В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии // Философская мысль. 2016. № 2. С. 47-90.
3. Дёмин И. В. Семиотический подход к истории: между презентизмом и антикваризмом // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2015. № 4 (232). С. 48-54.
4. Дёмин И. В. Философия истории в постметафизическом контексте. Самара: Самар. гуманит. акад., 2015. 251 с.
5. Запускалов А. М. Консерватизм Майкла Оукшотта в современных зарубежных исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). Ч. 2. С. 78-81.
6. Николаев Б. В. Теория исторического познания М. Дж. Оукшотта. Пенза: РИО МИЭМП, 2010. 232 с.
7. Оукшотт М. Рациональность в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.
8. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63-88.
9. Oakshott M. Experience and Its Modes. Cambridge, 1933. 380 p.
10. White H. The Practical Past // *Historein*. 2010. Vol. 10. P. 10-19.

SUBSTANTIATION OF HISTORY WRITING AUTONOMY IN MICHAEL OAKESHOTT'S PHILOSOPHICAL-HISTORICAL CONCEPTION

Demin I'ya Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Samara University
ilyadem83@yandex.ru

The article analyzes interpretation of historical cognition in Michael Oakshott's conception. The issue on correlation of historical and practical ways of the past understanding is thoroughly explored. Novelty of this interpretation of history writing in Oakshott's conception is that history is regarded as a special type of experience, not reducible either to practical activity or to aesthetic contemplation. The author identifies some contradictions in interpretation of historical writing suggested by Oakshott.

Key words and phrases: history; history writing; historical past; presentism; historical experience; methodology of history; Michael Oakshott.